

Вспомогательное — не второстепенное

Так получилось, что наш разговор с директором вспомогательного производства (есть и такое на «Славиче»), начавшись с вещей весьма прозаических и даже приземлённых, переключал, слово за словом, в сферы весьма высокие, как то: есть ли в стране экономический подъём, а если нет, то в чём причина. Такое уж свойство характера этого человека — Николая Александровича Кожушкина — доискиваться до причин и следствий, серьёзно вдумываться в те проблемы, которые ставит жизнь, на каком бы участке ты ни работал. А ему пришлось поработать на разных участках, так что и сам «Славич», и его структуру, и его проблемы он знает отнюдь не понаслышке. Но вернёмся к началу разговора.

Меня, естественно, интересовало, чем же занимается производство с таким рискованным для его авторитета определением — вспомогательное. Но очень быстро я поняла, что в данном случае определение это означает не его вторичность, а скорее тяготеет к слову «помогать». Да, здесь не выпускают продукцию в привычном понимании этого слова, такую, к примеру, как фотобумага, или фотопластины, или особо чистый алюминий. Здесь конечный продукт — услуги, которые оказываются основным производством. А именно — переработка серебросодержащих отходов и стоков. Бумага сжигается по соответствующей технологии; золу, содержащую серебро, упаковывают и отправляют на Щёлковский завод ВДМ (вторичных драгоценных металлов). Стоки, естественно, обрабатываются по другой технологии, но цель та же — получение из них серебра. Но всё это в виде соединений, которые будут отправлены на спецпредприятие. На этом месте рассказа я разочарованно поняла, что серебра в чистом виде здесь не водится.

— И слава богу! — заметил мой собеседник. — Получай мы здесь драгоценный металл, разве жили бы так открыто?! Всё бы тут было под охраной, вход и выход — по особым пропускам. А так мы — обычное вспомогательное производство, с виду не слишком презентабельное, но вполне благополучное и открытое для любого желающего посетить нас.

Честно говоря, я слегка усомнилась, что желающих так уж много. Особых красот тут не наблюдается, хоть техника и впечатляет своими размерами: ведь при создании производства расчёт предполагаемых отходов и стоков шёл на порядок (а то и не на один) выше. Сейчас та же «Фотобумага» даёт раз в десять меньше сырья для переработки.

Но вид всех этих огромных ёмкостей, насосов и отстойников весьма мрачноватый. А ещё запах, отчётливо ощущаемый на ближних подходах к зданию — органика, содержащаяся в стоках, да к тому же подогреваемая до 35—40 градусов, явно даёт о себе знать. Но зато у здешних рабочих есть такое преимущество, как уход на пенсию на пять лет раньше установленного срока. Кстати, тому причиной отнюдь не «ароматные» отходы, а тот самый элитарный металл, ради которого столько хлопот и забот. Серебро и его соединения губительны для живой природы. Так что его извлечение прежде всего служит интересам охраны окружающей среды.

Узнав об этом, я как-то с большим уважением стала поглядывать вокруг, и нос мой словно перестал ощущать малоприятный запах. И само собой пришло сравнение с этакой простецкой работягой-лошадкой, которая знай себе тянет свой тяжёлый воз и не претендует на особые почести, но без которой не обойтись.

А надо заметить, что с падением объёмов выпуска серебросодержащих материалов сократился и фронт работ вспомогательного производства. Ждать же денежных «вливаний» со стороны не приходится, даже несмотря на то, что речь идёт о работе, направленной на оздоровление экологической обстановки. Жить и зарабатывать на жизнь надо самим — что здешний коллектив и его руководители не только понимают, но и делают не без успеха. Так, жидкие

отходы закупаются с предприятий Ярославской, Ивановской и, частично, Костромской области и Москвы. Естественно, на взаимовыгодной основе — считать, тем более считать деньги, нынче научились все. Заключён договор и с «Кодаком». Кстати, для отмывки кодаковской химически загрязнённой тары здесь создан специальный участок.

Так — копейка к копейке, рубль к рублю — и зарабатываются здесь средства.

Но не только дума о хлебе насущном подталкивает этого человека к поиску нового фронта работы. Не может он смириться с тем, что тонны и тонны тех же полимерных отходов свозятся на свалки, переполняют Лунинский карьер. И даже при стопроцентном соблюдении технологии длительность разложения отходов такого рода исчисляется десятками и сотнями лет. Да и кто сегодня с полной уверенностью может сказать, что сам этот процесс абсолютно безопасен для живой природы, а значит — для наших потомков. А если уж совсем по-честному, вряд ли найдётся такая свалка, которая не горела бы... И тогда без всякого контроля, без какой бы то ни было очистки, в атмосферу выбрасывается огромное количество вредных для здоровья веществ. Когда-то по этому пути прошла Америка, загрязнив большую часть своих озёр и недр. Сейчас там развернулся во всю мощь обратный процесс — очистка и оздоровление земли и воды. У нас, похоже, до этого ещё не скоро руки дойдут. И хотя к новым производствам выдвигаются весьма серьёзные требования в части выбросов и стоков, денег на экологическую работу в широких масштабах всё равно выделяется недостаточно.

Славическое вспомогательное производство экологическая служба контролирует беспощадно, так что здешние выбросы не превышают допустимых норм. И всё-таки...

Не первый год лелеет Кожушкин мечту раздобыть печь экологически абсолютно чистую, да такую, вдобавок, чтоб можно было жечь в ней без риска для окружающей среды и отходы от производства полимерной упаковки — ведь она производится сейчас на «Славиче» куда в больших количествах, чем та же фотобумага — значит, и отходов больше...

Дошли мы до этой темы, и вновь разговор наш сворачивает на тему, так сказать, глобальную. Слишком узко наше информационное пространство, не хватает современных средств электронной связи, тех же компьютеров, которые открыли бы доступ в большой мир со всеми его новейшими разработками и технологиями. А мы сплошь и рядом «изобретаем велосипед». Оно, конечно, почётно и приятно, когда в сравнении выясняется, что наши специалисты среднего звена, к примеру, обладают куда более широкими знаниями и навыками — жизнь заставляет. Европейскому инженеру-производственнику достаточно знать ту операцию, к которой он приставлен, более того, ему даже возбраняется излишняя инициатива. Но зато та работа, которая ему поручена, выполняется грамотно и беспрекословно, без всяких авралов и прочих эксцессов, на которые так щедро наше производство.

А потом я увидела «велосипед», который если и не изобретает, то мастерит вместе со своими помощниками Николай Александрович. Это та самая печь. Он всё-таки разыскал её в дальней какой-то стороне, но технологически она оказалась не совсем пригодной для наших извечно «специфических» условий. Сейчас местные умельцы под его руководством доводят её «до ума».

И ещё одна «новинка» появилась недавно на предприятии — машина, производящая из бумажных отходов упаковку для яиц. Николай Александрович ею не очень доволен. Во-первых, слишком много электроэнергии «жрёт», во-вторых, прежде «кормили» её какой ни попадя макулатурой. А она, как оказалось, весьма разборчива и потому «забастовала». Пришлось-таки с ней повозиться. Да и вообще экземплярчик этот — почти музейный, хотя некогда был экспериментальным и потому стоил изрядных денег. Теперь за такую сумму можно было бы купить куда более современный агрегат. Но в наличии — только этот, так что, хочешь — не хочешь, придётся приспособливать его к делу. Да и задумки уже кое-какие есть — как сделать его менее энергоёмким.

— И очень Вам это надо? — не могу удержаться от «вопроса на засыпку». Ну, приспособите. Ну, соорудите свою печь, Вам же хлопот прибавится. К тому же ещё не известно, будет ли она рентабельной...

— Будет, никуда не денется, — улыбается он. — Заставим. А сиднем сидеть, без чего-то нового, неиспробованного — просто скучно.

И разве повернётся язык опровергнуть такой аргумент?..